

БЛЕСК И НИЩЕТА ФРАНЦУЗСКОЙ РИВЬЕРЫ В РОМАНЕ ЛИДИИ РОСТОПЧИНОЙ «РАСТАКУЭРОПОЛИС»

К. А. Чекалов

Институт мировой литературы имени А. М. Горького

Поступила в редакцию 21 марта 2014 г.

Аннотация: *В никогда не печатавшемся в России романе Лидии Ростопчиной «Растакуэрополис» (1897; англ. перевод вышел в 1912 г. под названием The Real Monte Carlo) сатирическими красками воссоздана повседневная жизнь отдыхающей на Лазурном Берегу аристократии, причем особое внимание уделено русской колонии Ниццы. Роман во многом опирается на традицию французской массовой литературы и отмечен ярко выраженным морализмом, сближающим Лидию Ростопчину с ее теткой, знаменитой французской писательницей Софи де Сегюр.*

Ключевые слова: *Ницца, русская колония, землетрясение, роман, массовая литература, любовный треугольник, морализм, сатира.*

Abstract: *Never published in Russia, Lydia Rostopchina's novel «Rastaquouéropolis» (1897; an English version entitled «The Real Monte Carlo» was published in 1912) re-creates a daily living of aristocrats reposing in Côte d'Azur in satiric colors, with special attention given to the Russian colony in Nice. The novel is mainly based on French mass literature tradition and is marked by clear-cut moralism, which brings together Lydia Rostopchina and a famous French writer Sophie de Ségur, her aunt.*

Key words: *Nice, Russian colony, earthquake, novel, popular literature, a love triangle, moralism, satire.*

Многие из представителей дворянского рода Ростопчиных обращались к литературным занятиям. Самый знаменитый из них, Федор Васильевич Ростопчин, писал исторические и мемуарные сочинения, комедии и антигалльские памфлеты. Наибольшую же писательскую славу снискала автор «Сониных проказ» и «Генерала Дуракина» Софья Федоровна Ростопчина (в замужестве де Сегюр); к настоящему времени ее творчеству и жизненному пути посвящено немало специальных исследований, в первую очередь во Франции. Заметный вклад в русскую литературу внесла супруга ее брата Андрея Федоровича, Евдокия Петровна Ростопчина (урожденная Сушкова), чьи стихи и проза привлекают ныне внимание многих отечественных издателей и литературоведов. Супруга Федора Васильевича, Екатерина Петровна Ростопчина (урожденная Протасова), фанатичная католичка, является автором нескольких сочинений религиозного содержания. Но, пожалуй, менее всего известно литературное творчество ее внучки, дочери Андрея Федоровича – Лидии Андреевны Ростопчиной (1838–1915). Перу графини Лидии принадлежит ряд совершенно не изученных и основательно забытых повестей, романов и пьес, а также несколько переводов с русского языка на французский (включая либретто «Снегурочки» Римского-Корсакова и роман Вс. Крестовского «Тьма Египетская»).

Чрезвычайно скудны и сведения, относящиеся к биографии Лидии Ростопчиной. Уроженка села Анна Воронежской губернии (одно из многочисленных имений ее отца), «графиня Лидия Ростопчина, известная своей красотой, своими стихами и романами» [1, 330] провела большую часть жизни во Франции. Личная жизнь Лидии Андреевны не сложилась (как и предсказывала в свое время графиня де Сегюр, хорошо знавшая упрямый характер племянницы [2, 197]); она так и не вышла замуж, хотя предложения ей делались неоднократно. В одном из писем Лидия Ростопчина с едкой иронией рассказывает о том, как ей сватали грузинского князя-миллионера [2, 190]. Во Францию Ростопчина отправилась, скорее всего, в конце 1870-х годов, по следам своей сестры Ольги, в замужестве Торниелли; при полном отсутствии каких-либо источников дохода Лидия Андреевна вынуждена была прибегнуть к помощи этой весьма обеспеченной семьи (граф Торниелли Брузати ди Вергано занимал важную должность в итальянском посольстве); она неизменно сопровождала сестру на дипломатических приемах и светских раутах. В своем дневнике 1898 г. служивший в том же посольстве Раньеро Паулуччи ди Кальболи отмечает, что «бедная графиня Лидия в долгах, как в шелках», но при этом страдает «манией сочинительства» [3, 45]. В последние годы жизни, в связи со столетним юбилеем Отечественной войны, графиня Лидия выступала во Франции,

Швейцарии и России с лекциями о своем деде и тетке; побывала она и в США. 20 мая 1915 г. графиню отпевали в соборе Александра Невского в Париже; здесь она и похоронена¹.

Изо всех сочинений Лидии Ростопчиной современному российскому читателю знакома только недавно переизданная «Семейная хроника» (Les Rostopchine. Chroniques de famille; отрывки под названием «Правда о моей бабушке» – «Исторический вестник», 1904, № 1-4; отдельное издание во Франции – 1909; русский перевод – 1912), которая является ценным и обладающим несомненными литературными достоинствами документом по истории рода Ростопчиных. Интересно, что автор включил в книгу перевод своей автобиографической притчи «Крестница фей» («La Filleule des fées») [4, 187–191], ранее печатавшейся на страницах «Petit Journal». Но никакой информации о Лидии Ростопчиной из краткого предисловия к современному изданию «Семейной хроники» читатель не получает, так что биографические подробности приходится буквально по крупицам собирать из самого текста книги (где автор скромно отступает на второй план).

Большинство сочинений Лидии Ростопчиной ни разу не переиздавались, а некоторые печатались только в периодике и не выходили отдельным изданием. Таков русскоязычный роман «Падучая звезда», печатавшийся в «Русском вестнике» в 1886 году и позднее положенный в основу одноименной пьесы (L'Étoile filante, 1904), снискавшей определенный успех во Франции. Более известен ее франкоязычный роман «Красотка, Умная и Добрая» (Belle, Sage et Bonne, 1880, рус. пер. автора 1888), снабженный посвящением графине де Сегюр и во многом перекликающийся по своей поэтике с ее творчеством (в отличие от своего отца, изрыгавшего проклятия в адрес сестры, Лидия Ростопчина относилась к тетке с большим уважением). Французскому читателю пришелся по душе и роман «Горсть свадеб» (Une Poignée de Mariages, журнальный вариант – “Nouvelle Revue”, 1888; отдельное издание вышло в 1889), снабженный подзаголовком «Сцены великосветских нравов». Роман был завершён в 1886 году в Ницце. Графиня Лидия жила на Лазурном Берегу в 1880-х – 1890-х годах; в «Семейной хронике» мельком упоминается имевшее место в Ницце «ужасное падение с лестницы», приковавшее ее на несколько лет к постели [4, 186]; до 1889 года Лидия Андреевна определённо находилась в Ницце, о чем свидетельствует одно из ее писем [5]; в 1893 году в Ментоне ею был учреждён приют для русских чахоточных больных. В 1895 г. на страницах всё того же журнала “Nouvelle Revue” печаталась повесть Ростопчиной «Ирина»,

где традиция романтического интроспективного повествования соединяется поначалу с эстетизмом в духе прерафаэлитов, а затем с ярко выраженным христианским морализмом.

В романе с причудливым названием «Растакуэрополис» (Rastaquouéropolis, 1897; английский перевод под названием The Real Monte Carlo вышел в 1912 г.; русский перевод под названием «Всемирный притон» был подготовлен Лидией Андреевной, но, несмотря на все её старания, так никогда и не был опубликован) получил отражение тот своеобразный историко-культурный феномен, который обычно именуется «Русской Ниццей». Город Ницца перешел под юрисдикцию Франции в 1860 г., а период «прекрасной эпохи» (1880–1914) оказался для Ниццы временем экономического процветания и демографического всплеска. Среди 93760 жителей города в 1896 году 23291 составляли иностранцы; в 1906 г. их доля увеличилась до одной трети [6, 54]. Истинный блеск Французской Ривьеры начался с 1887 года, когда этот райский уголок получает название «Лазурный Берег»; первым ставший затем общепринятым термин Côte d'Azur употребил поэт и прозаик Стефен Льежар (Stéphien Liégeard), автор опубликованного именно в указанный год путеводителя по этому краю (весьма поэтичного и содержавшего подробное описание карнавала – главной культурной достопримечательности Ниццы). Кроме того, всё тот же Льежар впервые назвал Ниццу «средиземноморским Вавилоном», имея в виду характерное для города невероятное смешение представителей всех национальностей.

Медики той поры обстоятельно исследовали благоприятное воздействие климата Ривьеры, где практически не бывает настоящей зимы, на здоровье; совсем не случайно именно в Ницце состоялся первый национальный конгресс по климатотерапии (апрель 1904 г.). С точки зрения Льежара, Ницца в большей степени, нежели Флоренция, заслуживает название «цветущего города». Пышная, пьянящая, в восточном духе, «безрассудно-феерическая» (по выражению Теодора де Банвиля) растительность с ее обилием цитрусовых (частично разведенных английскими садоводами) сближала Ниццу с Испанией, Италией и даже чуть ли не Африкой, делала ее воплощением ботанического экзотизма. Не случайно Банвиль начинает свою книгу «Море Ниццы. Письма к другу» (La Mer de Nice. Lettres à un ami, 1861) именно с упоминания о цветущих лимонных деревьях.

Наиболее популярным у аристократов становится зимний отдых в Ницце; среди отдыхающих выделялись и привлекали особое внимание русские. «Русское нашествие» на Ниццу началось уже в 1860-х годах, в тот период, когда здесь побывали Александр II с Марией Александровной (еще раньше, в 1856 г., здесь отдыхала императрица Александра Фёдоровна). «Русская

1. Автор статьи выражает благодарность председателю правления Воронежского регионального отделения Союза писателей России В.И. Жихареву за полезную информацию.

речь, зазвучавшая в Ницце, сделала ее похожей на какую-нибудь Ялту» [7, 33]. Между тем в ту пору количество англичан в Ницце заметно превосходило численность русских, да и позднее самой многочисленной все-таки продолжала оставаться английская колония. К 1912 году русских здесь было уже не менее 7000. Русские с англичанами не очень ладили – последних угнетал шумный образ жизни москвитов. Невероятная расточительность русской знати, прибывавшей на Лазурный Берег, становится притчей во языцех [8, 327]. В конце концов всех «чужаков и оригиналов» в Ницце стали именовать «русскими» [9, 225]. Восторженные отзывы о Ницце неоднократно звучат в дневнике Марии Башкирцевой, но все-таки заметно, что залогом наслаждения здешними красотами становится для художницы изоляция от светского общества: «Ницца для меня не существует, я точно у себя на даче» [10, 221].

В период «прекрасной эпохи» Ницца и Лазурный Берег становятся предметом внимания целого ряда французских писателей. Мы уже упоминали Банвиля и Льежара; стоит назвать также сборник новелл Жана Лоррена «Преступление богатых» (*Le crime des riches*, 1905) и его же скандально известный роман «Яд Ривьеры» (*Poison de la Riviera*, первое издание было выпущено уже после смерти автора и под именем Жоржа Норманди в 1912, полная версия вышла только в 1992). В произведениях Лоррена можно встретить понятие «растакуэр» и производное от него «Растакуэрополис»:

«О Ривьера, Ривьера, голубой рай растакуэров и неуравновешенных, маски цветут здесь еще более пышным цветом, чем мимоза; маски, фальшивые имена и фальшивые титулы» [цит. по: 11].

Слово «растакуэр» к моменту опубликования книги Лоррена уже прочно вошло во французский язык, хотя точная этимология его и оставалась сомнительной. До сих пор среди лексикологов нет единства в решении этого вопроса: следует ли связывать этимон – «gastracuer» (латиноамериканский вариант испанского языка) – с характерными для гаучо кожаными гетрами или же имеются в виду карманники, крадущие кожаные кошельки? Как бы то ни было, слово было усвоено французским языком около 1880 года и обозначало авантюриста, богача с сомнительными доходами, чаще всего – латиноамериканца [12, 245]. На рубеже XIX–XX столетий слово «растакуэр» (вариант: «растаквэр») присутствовало также в русском языке и включалось в тогдашние отечественные словари иностранных слов (в том числе в словари Е. Ефремова и Г. Виллиама). Среди современных русскоязычных словарей, где фигурирует интересующее нас слово, упомянем «Исторический словарь галлицизмов» Епишкина [13, 546]; здесь приводятся примеры использования слова в сочинениях Амфитеатрова, Боборыкина, А.Н. Толстого и пр.

В отличие от романа «Падучая звезда», где очень ощутимо воздействие традиций русской классической литературы, «Растакуэрополис» обращен в первую очередь к французской традиции, преимущественно – беллетристической. Среди источников Ростопчиной следует назвать опубликованный в 1889 г. роман малоизвестного писателя Жоржа Назима под названием «Растакуэры» («*Rastaquouères*»), где действие разворачивается именно в Ницце и где воссоздана история любви молодого французского офицера к русской красавице Наде; их отношения заканчиваются трагически, поскольку Надя принадлежит к миру авантюристов, растакуэров и не желает жертвовать своим образом жизни ради возлюбленного [14, 256].

Есть определенное сходство между книгой Назима и романом весьма популярного некогда в России беллетриста Андре Терье «Опасные чары» (*Le Charme dangereux*, 1891; в разных русских переводах – «Жертва любви», «Жертва страсти», «Опасная прелесть»), большая часть событий которого происходит опять-таки в Ницце. Главная героиня романа – русская *femme fatale* с магнетическим взглядом, Маня Либлинг (интересно, что она католичка); художник Жак Морé, восплавав страстью к «странной русалке» и предав чувства своей верной супруги, оказывается отравленным «опасными чарами» Ниццы, заболевает и умирает. Кстати, именно Терье редактировал дневник Марии Башкирцевой и написал стихотворное посвящение к его первому французскому изданию (1890).

Значительно более известный писатель, повлиявший на графиню Лидию – Поль Бурже выпустил в 1892 г. роман «Космополис» (*Cosmopolis*), повествующий о жизни элегантного рафинированного общества, куда входят представители разнообразных национальностей и рас, включая и русских. Прототипом одного из героев романа, поляка Венцеслава Гурки, возможно, является князь Константин Александрович Горчаков [15, 13]. Между тем место действия «Космополиса» – не Ницца, а Рим (в первом варианте романа – Венеция), «город, где сталкивается столько людей, стекающихся со всех концов мира» [16, 4]. Однако психологизм и панорамность изображения, характерные для писательской манеры Бурже, в романе Лидии Ростопчиной отсутствуют, а картина «космополитического» общества лишена в «Растакуэрополисе» объемности; на первый план выходит достаточно мелодраматичная *love story*, и многие компоненты повествования основаны на канонах массовой литературы.

«Растакуэрополису» предпослано посвящение рулетке, этой «бесчестной богине», правящей в городе. Городской локус представлен в романе под знаком двух контрастных логик: мы оказываемся в своего рода земном раю, городе Солнца (старинное название Растакуэрополиса, по Ростопчиной, – Со-

лара) и одновременно в прибежище мошенников, своеобразном вселенском вертепе; завораживающая природа контрастирует с атмосферой разложения и нравственного гниения. Коренное население Солары никак не взаимодействует с приезжающими иностранцами, с разряженной праздной толпой; многие из «растакуэрополитан» (термин Л. Ростопчиной), пресыщенные морем и чтением Пьера Лоти, равнодушно отворачиваются от созерцания лазурной глади и предаются исключительно разглядыванию чужих нарядов. Основное место пребывания курортной публики – Променады Праздных, *Promenade des Desoeuvrés* (так в книге трансформировано название знаменитого Английского променада – набережной Ниццы, тянущейся вдоль Бухты Ангелов; на Променадe жила, в частности, Мария Башкирцева). На наш взгляд, в топониме *Promenade des Desoeuvrés* могло отразиться влияние названия книги жившего в России немецкого дипломата Готгильфа Фабера «Безделки. Прогулки праздного по городу Санкт-Петербургу» (*Bagatelles. Promenades d'un désœuvré dans la ville de Saint-Petersbourg, 1811*), первое издание которой выпустил петербургский издатель Плюшар. Видоизменены и другие топонимы Ниццы: например, бульвар Карабасель (именно на нем останавливаются по прибытии из Парижа герои уже упоминавшегося романа Терье, Жак Морé с женой) превращается у Ростопчиной в проспект Карабапуавр (в основе трансформации нехитрая игра слов: формант *sel*, *соль* заменяется на *poivre*, *перец*). Иные топонимы трансформируются в романе по принципу простой метатезы (так, площадь Массенá превращается в площадь Намесса), а иные и вовсе не подвергаются никаким изменениям (улица Св. Франциска из Паолы).

Особое значение имеет для автора романа географическая близость Растакуэрополиса к «Монте-Кадаверо» (макабрическая трансформация топонима «Монте-Карло» – этот город располагается в двух десятках километров от Ниццы). Притягательный для многих персонажей Ростопчиной город (он типологически сопоставим с Рулетенбургом из повести Достоевского «Игрок», но к подробному его воссозданию писательница отнюдь не стремится) оказывается средоточием порока. Зловещее название «Монте-Кадаверо» (итал. «гора-труп») мотивировано тем, что проигравшиеся в пух и прах посетители казино нередко сводят здесь, в восхитительных подвесных садах, счеты с жизнью. (На эту тему имеется целый ряд свидетельств, включая и письма жившего в 1891, 1897–1898 и 1900–1901 годах в Ницце А.П. Чехова).

Интересно, что три персонажа романа пришли сюда со страниц более ранней книги Ростопчиной, «Горсть браков» (налицо прямая самореклама: графиня Лидия в сноске приводит даже выходные данные журнальной публикации «Горсти браков»).

Это второстепенные герои «Растакуэрополиса» (чета Д'Арсиньи) и главная его героиня, американская миллионерша, прекрасная Адда Фолкстоун (в «Горсти браков» ее имя пишется с одним «д»). Центральный сюжет весьма незамысловат и отражает несомненное влияние на Ростопчину популярного романа. При этом, однако, автор ощущает потребность дистанцироваться от романа-фельетона и массового чтения в целом и посвящает специальный пассаж ироническому комментарию по поводу «сенсационно-скандальных» романов и рецептов их изготовления: нескольких известных персонажей «переносят на другой конец Европы, погружают в вымышленные события»; всё это «извращается, подсаливается и совершенно безнаказанно дополняется клеветой» [17, 18]. Критика в адрес «модных романов» слышится и в «Горсти браков». Из текста «Растакуэрополиса» следует, что Ростопчиной были хорошо знакомы современные ей образцы популярной литературы (упомянута, например, сага Понсона Дю Террайля о Рокамболе) и культуры (оперетта), но сама она, несомненно, хотела бы оставаться в русле аристократического чтения, насыщая его морализмом. Эта подчас бьющая через край назидательность (она особенно ощутима в финале романа «Падучая звезда») роднит Лидию Ростопчину с писательской матерью ее тетки, Софьи де Сегюр.

Любовный треугольник, положенный в основу «Растакуэрополиса», заявлен уже в первой главе книги. Всё начинается с уличного происшествия: правитель вымышленного северного государства Сапинии (от *sapin*, ель) по имени Атоль, «грустный блондин» и безутешный вдовец (его хрупкая жена скончалась, не успев принести ему потомства), приходит на выручку прекрасной всаднице, чья лошадь внезапно встала на дыбы; он хватает лошадь под уздцы и умиротворяет ее. Прекрасная амазонка – Адда Фолкстоун – и ее спаситель вскоре пылко влюбляются друг в друга. В том же начальном эпизоде появляется и будущий соперник Атоля, таинственный незнакомец граф Намор (разумеется, брюнет). Чтобы жениться на Адде (она хоть и богата, но не голубой крови), королю нужно отречься от престола; он готов принести в жертву любви служение своему народу, но тут неожиданно умирает его брат Гектор, который один только и мог бы стать престолонаследником. «Подобно героям Корнеля» [18, 173], Атоль раздираем между государственным долгом и страстью. Следует драматическое расставание, Атоль возвращается на родину. Тем временем циничный Намор дважды – и неизменно безуспешно – пытается овладеть красавицей силой. В конце концов, Атоль у себя на родине женится на Фрине (хоть и не по любви; зато он наконец-то становится отцом), Адда выходит замуж за скромного и добродетельного Берти (пренебрегая при этом разницей в конфессиях – он католик, а она

приверженка протестантизма), Намора же настаивает гнев Господень. Изгнанный из дома Адды, он оказывается близ небольшой часовни; тут начинается сильнейшее землетрясение, на Намора падает тяжелое распятие, и он мгновенно гибнет.

Таким образом, происходящие в книге события могут быть точно датированы: речь идет о печально знаменитом землетрясении в Ницце 23 февраля 1887 года. Имеется ряд документальных свидетельств об этом событии (кстати, Камилл Фламма-рион упомянул его в своем апокалиптическом романе «Конец света», выпущенном в 1894 г.), случившемся в ночь с последнего дня масленицы (и, соответственно, карнавала) на Пепельную среду. В момент, когда начались первые толчки, еще не все увеселения закончились; среди устремившейся в панике к железнодорожному вокзалу разряженной толпы – «разноцветных домино, Полишинелей, Арлекинов и Коломбин» [19, 26] – двигались процессии монахинь, распевая псалмы. Не обошлось и без комических сцен: «новая знаменитость артист Мамонт Дальский (один из персонажей романа А.Н. Толстого «Хождение по мукам». – К. Ч.) в ночной рубашке забрался на фонарный столб» [7, 147]. Весьма сходным образом, но уже без всякого комизма, воссоздана и картина землетрясения у Ростопчиной.

Стоит заметить, что совершенно особую позицию по отношению к бедствию занял проживавший в тот период в Ницце Фридрих Ницше. В своих письмах Петеру Гасту, Рейнхарту фон Зайдлицу и Эмили Финн философ весьма иронично отозвался о землетрясении (чьи масштабы, по его мнению, были преувеличены прессой) и панической реакции на него отдыхающих: «Теперь мы живем в замечательнейшем ожидании *погибели* – благодаря славному землетрясению, которое не только повсюду в округе заставило завывать»; «в то утро, когда вся Ницца кинулась на улицу и походила на сумасшедший дом, я в колебимейшем душевном спокойствии работал в своей комнате» [20; 268, 269]. Между тем в результате стихийного бедствия дом, где писались третья и четвертая части «Заратустры», оказался полностью разрушен. Но Ницше по-своему даже приветствовал разгул стихии, усматривая в происходящем образец истинного – а не декоративного, наподобие карнавала – дионисийства [21, 90].

Что же касается Ростопчиной, то для нее важен прежде всего контраст между пышностью карнавала (описанного ею с документальной точностью) и разрушительным бедствием. Как и многие другие свидетели землетрясения, автор романа расценила случившееся именно как знак Господнего гнева за царившие в городе разврат и нечестивость. И здесь стоит процитировать суровый диагноз благочестивой Кристины, сестры Терезы Морé из романа Терье:

«Говорите что хотите, но есть что-то неестественное в этом бурном цветении; здешние жители

всеу столь гордятся местными красотами; потому-то Господь и насылает на них землетрясения, чтобы напомнить им: подлунный мир – не дол наслаждений» [22, 313].

Заметно стремление графини Лидии внести некоторое разнообразие в традиционные для массовой литературы штампы, связанные с портретами влюбленных. В описании внешности Адды (разумеется, блондинки) подчеркнута сочетание красоты и здоровья; впрочем, подчас Ростопчиной здесь изменяет вкус:

«Ее бюст, излишне удлиненный, с широкими покатыми плечами, изящно колыхался, обтянутый вошедшей в последние годы в моду амазонкой, короткой и узкой. Длинная подвижная шея <...> связывалась выразительными линиями с маленькой головкой, буквально утопавшей в копне роскошных золотых волос» [17, 20]. «При каждом движении девушки великолепный бюст ее вздымался и опадал; пышущая здоровьем и исполненная благородства, она напоминала статую Флоры из Неаполитанского музея» [17, 251].

Прекрасные волосы Адды (относящиеся к ним подробности следует искать в «Горсти браков»: волосы эти столь хороши, что могли бы соперничать с легендарной шевелюрой Елизаветы Австрийской – знаменитой Сисси) становятся предметом своего рода мифологизации: навсегда расставаясь с возлюбленным, Адда срезает и дарит ему свою косу, которую Атоль прячет у себя на груди.

Достаточно стереотипным выглядит и портрет Атоля, в котором можно уловить традиционно приписываемые славянскому типу черты (шелковистая длинная борода, голубые глаза, орлиный нос). В то же время аристократизм и изящество манер сочетаются у него с атлетическим сложением и физической силой.

Если образ Атоля есть основания связывать с таким известным персонажем французской массовой литературы, как Родольф Герольштейнский из романа Сю «Парижские тайны» (следует напомнить, что он является правителем несуществующего герцогства Герольштейн), то образ авантюриста и повесы Намора (во время карнавала он не случайно облачается в костюм Дон Жуана) перекликается с другим героем Эжена Сю – демоническим соблазнителем Лугарто из салонного романа «Матильда». На связь романа Ростопчиной с художественным универсумом Эжена Сю указывали уже первые рецензенты «Растакуэрополиса»; она тем более вероятна, что и тетка автора романа, графиня де Сегюр, в своих сочинениях испытала воздействие этого кумира читающей публики (более того, считается, что именно под влиянием Сю Софья Фёдоровна обратилась к литературному творчеству). Оба коварных соблазнителя в итоге получают по заслугам (Намор придавлен распяти-

ем, Лугарто умирает заживо замурованным). При этом, однако, демонизм Лугарто в гораздо большей степени детерминирован социально и психологически, чем поведение Намора, так и остающегося для читателя загадкой. Автор романа лишь намекает, что Намор, возможно, королевский ба-стард. «Инкогнито – одна из очаровательных сторон бала-маскарада», констатируют героини Терье [17, 211]; вместе с тем перед нами очередное воплощение столь типичного для массовой литературы мотива «ложной идентичности».

В романе «Растакуэрополис» мелькает великое множество русских персонажей; нет сомнения в том, что в большинстве своем у них имеются вполне реальные прототипы, однако разгадать их в большинстве случаев уже не представляется возможным. Исключения составляют княжна Олдурукая [имеется в виду скончавшаяся в Ницце Екатерина Долгорукова (Юрьевская), морганатическая супруга Александра II] и «жена знаменитого художника» К. Манюфская, «столь поразительным образом напоминающая “Юдифь” Аллори из Палаццо Питти» [17, 245] [это, конечно же, известная своей красотой Юлия Павловна Маковская; действительно, есть определенное сходство между изображающей Юлию Павловну картиной Маковского «Головка» и персонажем картины А. Аллори «Юдифь с головой Олоферна»]. С остальными гораздо сложнее: мы не в состоянии подобрать ключ к таким персонажам, как князь Пузанов, генералы Бубнов и Вральнев, графиня Мокрина, певица Матрена Карповна Курская, шулер Плутнин и т. п. (склонность к значащим именам, восходящую к традициям Просвещения, демонстрирует в своих сочинениях и дед Ростопчиной, Фёдор Васильевич). Растакуэрополис оказывается настолько проникнутым «русским духом», что даже местный префект обнаруживает хорошее знакомство с отечественными пословицами: «Отвечу вам русской пословицей, которую только что процитировал мне генерал Розен: “В семье не без урода”» [17, 325].

Для французского читателя колоритные, пусть и схематичные, зарисовки отдельных типажей из числа русских обитателей Ниццы наверняка представляли интерес. Приведем в качестве примера язвительный групповой портрет всячески демонстрирующей свой бытовой аскетизм семьи неназванного миллионера:

«В скромном ландо восседает чрезвычайно известная русская семья: отец, мать и двое детей; все как на подбор уроды, тщедушны и комичны; все вырядились в прескверные, немодные костюмы и непромокаемые плащи <...> Восемь обтянутых белыми хлопчатобумажными перчатками рук (это скорее практично, нежели красиво, в особенности для миллионеров) судорожно сжимают букетики грошовых фиалок» [17, 243].

В тесном хороводе русских лиц угадывается присутствие самой же Лидии Ростопчиной – думается, именно она выведена под именем Зинаиды Лопшиной, внучки «знаменитого поджигателя» (явный намек на московский пожар 1812 г. и ставшую предметом дискуссий причастность к нему Федора Ростопчина), который охарактеризован как «человек недюжинного ума, настоящий патриот и – в часы досуга – литератор» [17, 230]. Следует напомнить, что Лидия Ростопчина в «Семейной хронике» всячески стремилась возвеличить образ своего деда. С другой стороны, и таинственная «принцесса Космополита» – дочь королевы страны Галевии по имени Королева, Koroleva – также вбирает в себя некоторые черты автора романа; совсем не случайно именно ей оказывается посвящена заключительная строка «Растакуэрополиса»: «она не замужем и никогда не выйдет замуж» [17, 388].

Что же касается американки Адды, то этот образ отражает повышенный интерес европейских писателей конца XIX века к Новому Свету, его жизненным ценностям и психологическим типам (затронута эта тема и в уже упоминавшемся «Космополисе» Бурже). И здесь есть основания провести параллель с видным представителем следующей генерации французской массовой литературы – Гюставом Леружем. У Адды есть нечто общее с прекрасной Авророй, дочерью миллиардера Уильяма Болтина из романа Леружа «Заговор миллиардеров» (опубликованного, правда, два года спустя после «Растакуэрополиса»); по словам Адды, «мы в Америке признаем только нефтяных королей» [17, 62]. То же самое могла бы сказать и Аврора, для которой критерий родovitости также не имеет никакого смысла. Вместе с тем Адда, в отличие от Авроры, ориентирована на европейские культурные ценности; про нее никак нельзя сказать, что она «по природе своей <...> лишена традиционного художественного чувства» [16, 188]; так, она является поклонницей «Ночей» Альфреда Де Мюссе.

В романе ощущается критическое отношение автора ко всякого рода парвеню – не обязательно собственно растакуэрам. Проповедь социальной стабильности, которая звучит в книге Ростопчиной, вполне соответствует общей направленности массового чтения в целом и популярного романа «прекрасной эпохи» – в частности [23, 157]. Роман «Растакуэрополис» принадлежит к «литературному мейнстриму» конца столетия; вбирая в себя приметы французского популярного чтения разных периодов, он вместе с тем отделяется от магистральных эстетических поисков своей эпохи, связанных с передачей эстафеты от натурализма к символизму (и выпадает из хорошо известной автору русской литературной традиции – при том, что книга вышла в свет в период чрезвычайной популярности русского реалистического романа во Франции). С другой стороны, книга ясно свидетель-

ствуется о том, что отношение Лидии Андреевны Ростопчиной к русской тематике было совершенно иным, нежели у ее тетки, всячески стремившейся избавиться от соответствующих воспоминаний и изгнать их из своего творчества (в этом смысле роман «Генерал Дуракин» можно считать исключением, подтверждающим правило). А католическое мировоззрение Сегюра сменяется ощутимой склонностью Ростопчиной к экumenизму: «все мы поклоняемся единому Богу» [17, 168]. Отказываясь признать свой паралитературный генезис, «Растакуэрополис» вместе с тем не поднимается на уровень «бальзаковского» социального дискурса и во многом остается романом благих намерений, обильно сдобренных колоритными зарисовками «русской Ниццы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Bethléem L. Romans à lire et romans à proscrire. Essai de classification au point de vue moral des principaux romans et romanciers / L. Bethléem. – P. : Masson, 1908. – 382 p. – P. 330.
2. Hédouville Marthe de. Les Rostopchine. Une grande famille russe au XIX siècle / Marthe de Hédouville. – P. : France-Empire, 1984. – 252 p. – P. 197.
3. Paulucci di Calboli Raniero. Parigi 1898. Con Zola per Dreyfus. Diario di un diplomatico. A cura di G. Tassani / Raniero Paulucci di Calboli. – Bologna : CLUEB, 1998. – 281 p. – P. 45.
4. Ростопчина Л.А. Семейная хроника. Пер. с франц. А.Ф. Грейтман. – М., Тривант, 2011. – 240 с. – С. 187–191.
5. Письмо Л.А. Ростопчиной А.С. Суворину от 29 марта 1889 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп.1. Ед. хр. 3678. Л.3.
6. Basso, Jacques. Le Comté de Nice: un espace politique et social à la Belle Époque / Jacques Basso // Le comté de Nice, De la Savoie à l'Europe: identité, mémoire et devenir. Nice : Serre, 2006. – 394 p. – P. 53–74. – P. 54.
7. Нечаев С.Ю. Русская Ницца / С.Ю. Нечаев. – М. : Вече, 2008. – 376 с. – С. 33.
8. Boyer M. L'hiver dans le Midi. L'invention de la Côte d'Azur. XVIII-XIX siècles / M. Boyer. – P. : L'Harmattan, 2010. – 439 p. – P. 327.
9. Pintus Isabelle. L'aristocratie anglaise à Nice à la Belle Époque / Isabelle Pintus. – Nice : Alandis, 2000. – 311 p. – P. 225.
10. Башкирцева М. Дневник / М. Башкирцева. – М. : Захаров, 2000. – 446 с. – С. 221.
11. Schor Ralph. Des marginaux de luxe: les rastaquouères sur la Côte d'Azur au début du XXe siècle / Ralph Schor // Cahiers de la Méditerranée, 69. – 2004, mis en ligne le 10 mai 2006, consulté le 12 février 2014. – Режим доступа : <http://cdlm.revues.org/809>
12. Belon Paul. Paris qui passe / Paul Belon, Georges Price. – P. : A. Savine, 1888. – 412 p. – P. 245.
13. Епишкин Н.И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка / Н.И. Епишкин. – Чита : изд. автора, 1999. – 714 с. – С. 546.
14. Hamon Philippe. Dictionnaire thématique du roman de mœurs 1814–1914 / Philippe Hamon, Alexandre Viboud. – Vol. 2. J-Z. – P. : Sorbonne Nouvelle, 2008. – 410 p. – P. 256.
15. Mansuy Michel. Prélude et suite de Cosmopolis: sur un manuscrit de Paul Bourget / Michel Mansuy. – Besancon : Les Belles-Lettres, 1962. – 137 p. – P. 13.
16. Бурже П. Космополис / Бурже П. – СПб. : Просвещение, 1913. – 422 с. – С. 4.
17. Rostopchine Lydie. Rastaquouéropolis / Lydie Rostopchine. – Paris : H. Oudin, 1897. – 391 p. – P. 18.
18. Brisson Adolphe. Rasta / Adolphe Brisson // Annales, № 898, 9.09.1900. – P. 173.
19. Meunier Stanislas. Terre qui tremble / Stanislas Meunier. – P. : C. Delagrave, 1910. – 240 p. – P. 26.
20. Ницше Ф. Письма / Ф. Ницше ; составление и перевод И. Эбаноидзе. – М. : Культурная революция, 2007. – 400 с. – С. 268, 269.
21. Ferraz Maria Christina Franco. Nietzsche, le Bouffon des Dieux / Maria Christina Franco Ferraz. – P. : Montreal : L'Harmattan, 1998. – 210 p. – P. 90.
22. Theuriet, André. Charme dangereux / André Theuriet. – P. : Lemerre, 1891. – 423 p. – P. 313.
23. Thiesse A.-M. Le Roman du quotidien. Lecteurs et lectures populaires à la Belle Époque / A.-M. Thiesse. – P. : Seuil, 2000. – 283 p. – P. 157.

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Чекалов К.А., доктор филологических наук, заведующий
отделом классических литератур Запада и сравнительного
литературоведения
E-mail: ktchekalov@mail.ru*

*Institute of World Literature named after A. M. Gorky
Chekalov K. A., Doctor of Philology, Director of the Classical
Literature of the West and Comparative Literature Department
E-mail: ktchekalov@mail.ru*